

Луиза Петровна Каморкина:

Жили бедно, очень бедно. Ранней весной, когда еще снег не растаял, ходили с бабушкой в поле собирать вытаявшую картошку, зеленую и страшную. Назвали ее «тошнотиками». Бабушке каким-то образом удавалось привести ее в возможное для еды состояние.... Как только прорастала крапива и другая зелень, от которой нельзя было отравиться, тоже шла в еду: в супы, оладьи и просто «на пожевать». Организм всегда требовал подкрепления. Щавель в войну – это радость, счастье и целый праздник! Из него варили зеленные щи с крапивой, добавляли к «тошнотикам». После уборки урожая, в основном ржи и овса, мы оставались собирать потерянные колоски или просыпавшиеся зерна. Те, кто отвечал за сбор урожая, старались уследить, чтоб не было никаких потерь. Бабушка нас всегда хвалила, если хоть что-то удавалось принести, и старалась нас чем-нибудь побаловать. Такое было спасение!

И совсем уж настоящее счастье приходило весной, когда оттаивала и разливалась река Нерль, на которой стояла наша деревня. Река была богата рыбой, и когда вода выходила из берегов, а потом возвращалась обратно, на земле оставалась рыба. Вся деревня выходила на сбор легкой, по сравнению с другими поисками, добычи с ведрами, мешками или корзинами. Потом улов солили, сушили, валяли, варили из него консервы...

К маме, как к медику, часто приходили со всякими хворями, она никому не отказывала в эти тяжелые военные годы, даже ночью.

В зимнее время в деревню приходили монахини, видимо, выгнанные из монастыря. Останавливались у тех, кто пускал, на постой, и вместо платы обшивали, вязали какие-то вещи и душевно помогали всем, кто нуждался в этом.

Несмотря на то, что я была ребенком в войну, мне довелось повзрослому переживать чувство страха и голода, которые я пронесла через всю жизнь. Часто вспоминаю рано ушедшую из жизни мамочку... Ей было тогда 49 лет. Война годы скосила. Похоронили мы ее девятого мая, и этот праздник, замешанный на такой утрате, и сейчас встречаю со слезами...

В 1941 году она получила извещение, что Куликов Петр Иванович пропал без вести. Мама в это всю войну не верила, писала запросы по всем фронтам, министерствам... искала папу. Ждала: вернется! И каждый раз получала один и тот же ответ – пропал без вести. У нее был целый пакет с

этими письмами. После окончания войны прошло два года, когда она как-то смирилась с мыслью о его гибели.

... В конце 1947 года она приняла предложение стать женой от воина-фронтовика, которой был на 13 лет старше нее. Жизнь стала улучшаться. Отчим был серьезным и добрым человеком, уважал нас, и мы к нему так же хорошо относились.

Мы все еще жили в бараке, когда однажды, весенним утром, кто-то постучался в дверь. Я это все очень хорошо помню: мама, она была уже на шестом месяце беременности, подошла к двери и спросила: «Кто?», а ей ответили: «Соня, это я, Петр!»...